

18+

Надежда Нелидова

Нить Аршадны

Надежда Нелидова

Нить Ариадны

«Издательские решения»

Нелидова Н.

Нить Ариадны / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

— Погоди же, он у меня увидит небо с овчинку, — обещала Катя. — Он ещё пощады будет просить. Я отравлю ему жизнь. Я выйду за него замуж. Она прищуривалась и уносилась мыслями в приятное будущее, где Мендельсон плавно перетечёт в траурный марш Шопена. Вот что сделает Катя в роли безутешной вдовы: она кремирует недолговечного супруга и поместит его прах в песочные часы. Муж будет тихо сочиться из сосуда в сосуд сквозь узкую горловину. И только будет слышен восхитительный, усыпляющий шорох частиц.

© Нелидова Н.

© Издательские решения

Содержание

ДОРОГАЯ СОСЕДКА	6
ЧОКНУТАЯ	11
МУСОР ВЫВОЗЯТ ПО ПЯТНИЦАМ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Нить Ариадны

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2026

ISBN 978-5-0070-7835-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОРОГАЯ СОСЕДКА

Катя лежала, смотрела в потолок и думала, как ей хочется работать смотрительницей маяка. Очень-очень хочется. Слышать гул седого океана, плеск волн, крики чаек, посвист ветра в узких каменных окнах. По приезде она сразу швырнёт чемодан под койку и помчится на берег. Просто вытянется на гладком валуне и будет лежать, орошаемая брызгами, смагивать воду с ресниц, облизывать солёные губы. Не двигаться, не веря в собственное счастье.

Ночью, само собой, будет смотреть за маяком. Протирать от пыли, смазывать механизмы, подливать керосин или дизель, или что там подливают, хотя ведь нынче электричество... Днём отсыпаться, гулять, читать, слушать классическую музыку, вглядываться в даль, может быть, ловить рыбу. И вокруг на сотни миль ни малейшего признака наличия человека разумного и издаваемых им звуков.

Отработает месяц на вахте, подлечит больные нервы — и освободит место для других. Ей хватит, она не жадная. А на следующий год снова сюда.

Да попробуй на тот маяк устройся, не она одна такая умная. Там небось очередь на тыщу лет вперёд и строжайший отбор. Сидят психиатры, стучат по коленке, водят перед глазами молоточком. Оценивают степень истощения нервной системы и угрозу срыва. Кого безотлагательно посылать на остров с маяком, а кто ещё погодит.

А может, как и везде, в той очереди верховодит блат. И в первых рядах теснятся олигархи из списка Форбс, такие же интроверты, мизантропы и акустикофобы, как Катя... Но, ей богу, она не виновата, что дом, в который заселилась, строили ненавистники рода человеческого. Ставили стены из картона и хихикали, предвкушая муки новосёлов. Которые будут меняться ролями: ночью совы — палачи, а жаворонки — жертвы, утром наоборот.

Катя — ярко выраженная сова. Для неё утро — разгар самого сладкого сна. А ночь — самое вдохновение, потому что она творческая натура и свободный художник. При помощи лекала, ножниц, мелка и иглы рождает из куска ткани произведение искусства. Шедевр. Эксклюзив. Кто скажет, что портниха — не творческая профессия, пусть бросит в Катю камень.

Её квартира была угловая на предпоследнем этаже. Сверху жил сосед- жаворонок с соответствующей фамилией Пташко. Скорее, дятел. Нет, он не включал по утрам музыку и не делал зарядку, с грохотом опуская гири — этого ещё не хватало. Он печатал, стучал по клавиатуре: это была канонада, взрывавшая Катин мозг. Пташко служил бухгалтером, наверняка брал работу на дом. Чего-то сводил, балансировал, чего-то подбивал — что там делают бухгалтеры?

Ещё он ХОДИЛ. Из ванны в кухню. Из кухни в комнату. Из комнаты в прихожую — поступью Каменного гостя. Топ. Топ. Топ.

— У него что, железные туфли? — заинтересовалась я — мне посчастливилось состоять в числе Катиных клиенток.

— В носках ходит. По толстым коврам.

Катя поднималась, чтобы убедиться. Но подозревала, что ковры — так, для отвода глаз. По её уходе он наверняка сворачивал их обратно и влезал в сапоги Дровосека.

Самое обидное: ей нечем было ответить, ведь нижние жилы всегда более уязвимы, чем верхние. Из оружия — швабра по потолку и половник по батарее центрального отопления. Хорошо бы, в отместку, у неё по ночам гавкала собака и визжала дрель. Нижней соседке она не досадила бы: там жила глухая добрая старушка — потому и добрая, что глухая. Она и Третью Мировую не услышит.

Чтобы завести дрель, нужно завести мужчину. А мужчина — это посторонние раздражающие звуки. И запахи. И привычки. Бр-р-р, нет уж, увольте.

К слову, у Кати со временем завелись и дрель, и собака. Она поделилась со мной задумкой, и я, как героиня фильма, только вымолвила: «Высокие, высокие отношения. Добрососедство во всей красе».

А что делать? Сложишь лапки — через тебя перешагнут и не заметят. Как сказала героиня другого фильма: «У верблюда два горба, потому что жизнь — борьба».

Когда киллер убивает и насильник насилует — их сажают в тюрьму. Когда грабитель проникает в чужое жилище — его заставляют возместить украденное и тоже сажают в тюрьму. А если у вас крадут покой, выгрызают кусок нервов и жизни?! Шум — тот же невидимый ползучий убийца, насильник и вор тишины, способный проникать сквозь стены и потолки. Для него не существует границ. Это хуже, это вторжение в личное пространство, в сердцевину чужой жизни! Да за это пожизненное давать мало!

У Кати во время работы руки заняты, а голова свободна. «Как получилось, — размышляла она, — что агрессивные жаворонки захватили мир, подчинили своей склочной, неужённой натуре? Чего стоит глумливая фраза: кто рано встаёт, тому бог даёт? Ага, даёт: стрессы, невроты, депрессии, гипертонию, ишемическую болезнь сердца. А ещё вегето-сосудистую дистонию, тревожность, эмоциональное выгорание... Продолжать?

Помните, был такой бесчеловечный эксперимент с летним временем? Учёные мужи, страдающие старческой бессонницей, шамкали что-то про экономию электричества, повышение работоспособности... И, дескать, если люди на час раньше будут возвращаться с работы, то кривая уличных преступлений пойдёт вниз.

— Улицы нужно лучше освещать, — сухо думала Катя. — И с уличной преступностью бороться, а не с собственным организмом.

Слава богу, отменили ужимки и прыжки с переводами часовой стрелки туда-сюда. Но жаворонковое племя успело собрать свою кровавую дань. Весной в местной газете косяком шли некрологи, некрологи... Катин папа — тот ещё совушка. Был. В ночь с субботы на воскресенье завёл будильник на час раньше, вскочил — и упал... Сердце. Пружинка лопнула, как в часах.

Катя не была медиком, но могла обосновать свою теорию. У человека, резко выдернутого из сна, происходит микроспазм, сбой в организме. Помножим на 365 дней в году, вычтем выходные и праздники, помножим на 50 лет трудовой жизни. Это же катастрофа, граждане!

Ну-ка, вспомните свои зимние пробуждения. В природе ещё самый разгар ночи. Серпик месяца висит где-то в середине своего небесного пути. Зыбкими тенями скользят прохожие. Ребятишки хнычут: не выспались. В автобусах граждане досыпают стоя, как лошади. Кажется, отдали бы всё за возможность покемарить, добрать часик-другой.

Кондукторша, тоже Катина клиентка, уверяла: в эти утренние часы достаточно неосторожного слова и, как от оброненного в солому огонька, в салоне вспыхивала перепалка среди не выспавшихся, раздражённых людей.

Другая Катина клиентка — кадровичка на бирже труда. Знаете, какую работу ищут миллениалы и зумеры? Какую угодно, лишь бы не связанную со звонком будильника.

Вот вялая, зевающая сотрудница долго ищет нужную бумагу. В итоге приносит совершенно другую. Крепко растирая ладонями лицо, сама себе удивляется: «Да что со мной творится, как варёная?! Трижды кофе пила...» На часах половина одиннадцатого. Какая это была работница в восемь утра — можно вообразить.

Ладно, она на бумажной работе. А хирург с хроническим недосыпом? Или водитель автобуса? Никто не подсчитывал убытки от накопленной «сонной» усталости, а ведь это (загибала

пальцы Катя) несчастные случаи, жизненные неурядицы, аварии, болезни, просто непродуктивная работа...

Хоть бы сестру ввели, что ли — благодарные отдохнувшие люди двойную норму бы вам отпахали. Или, как в Японии — устраивали тихий час. Страна передовых технологий и трудо-голиков, между прочим, умеют считать каждую иену.

Совы составляют 70 процентов общества, это бОльшая и лучшая, добродушная часть человечества. При этом подвергается откровенной дискриминации.

— Представь, — возмущалась Катя, — я подаю заявление в полицию: изверг сосед мешает спать. Служивый уточняет: ночью? Если бы, говорю я. Днём! Идите-ка отсюда, гражданка, с жиру беситесь. Не отвлекайте от работы, это вам к врачу.

К врачу так к врачу.

— Доктор, у меня жестокий недосып.

— Понимаю. Сочувствую. Рано встаёте?

— Очень, очень рано! В одиннадцать утра, представляете? А я не человек, если не выплусь, у меня должна быть ясная голова, зоркий глаз и твёрдая рука — я шью, понимаете? Один неверный щелчок ножницами — и отрез дорогого шёлка неисправимо испорчен! А вместе с ним испорчено настроение клиентки! Рушатся планы, человеческие судьбы, не состоявшиеся свидания, не рождённые семьи. В конечном счёте, к чёрту летит вся ваша возжеленная демография.

Вот какую социальную и даже политическую роль в обществе играла портниха Катя.

Она и меня привлекла к борьбе за права сов, однажды принесла книги с торчащими язычками закладок. Ногтем отчёркивала цитату и громко, с выражением читала:

«Старик проснулся с третьими петухами и, увидав в замёрзшем окне яркий свет месяца, пошёл на гумнО. Проработав там часа два, разбудил сына и баб...» — Катя делала значительную паузу. Строго смотрела на меня:

— Ты знаешь, какое это время — третьи петухи? Не знаешь. Третьи петухи — это четыре часа утра. По дореволюционному времени!

Я молчала. Катя была недовольна: ей приходилось самой выстраивать композицию. Играть за себя и за меня.

— Какая разница: царского или нынешнего времени, резонно спросишь ты. Отвечу: царское и нынешнее время — это две большие разницы! Потому что... Ты диктофон включила? — И, откашлявшись, продолжала хорошо поставленным, мягким дикторским контральто: — Потому что, уважаемые читатели, прежние четыре часа утра — это три утра по-нашему.

А всё потому, что мы живём не в ладу с природой. Не по солнцу, не по мудрой природой заданному старому доброму ритму, а по прихоти чиновников («Что-то у тебя огонёк на диктофоне погас, точно ли записывает?»).

Однажды советское правительство перевело главную кремлёвскую стрелку на час вперёд. Возможно, ошибочно, после плановой смазки и ремонта. Но поостереглись доложить товарищу Сталину».

Катя водворяла закладку на место:

— На фоне буржуазных лежек и засонь мы выгодно смотримся ранней пташкой. Но. Отлично выспавшиеся, свежие буржуа (ты, когда будешь писать, этот художественный оборот обязательно упомяни) бойко и расторопно принимались за свои капиталистические дела. Наши же граждане полдня зевают и выворачивают скулы. Ну, если на горизонте замаячит начальство, изображают бурную деятельность.

*Один, по утренним зарям,
Когда ещё всё в мире спит
И алый свет едва скользит
По серым каменным домам...*

В хрупкий, зыбкий предутренний час перед восходом солнца к бухгалтеру Пташко спускалась Муза. Не бухгалтерская, в виде толстой тётеньки в шерстяной кофте — а самая настоящая, миниатюрная, не больше фарфоровой статуэтки. Она трепетала стрекозиными крылышками, накидывала прозрачную пелену грёз, укрывая от злых флюидов, посылаемых нижней соседкой. Бухгалтер садился за стол, замирал над клавиатурой — как пианист с занесённой кистью, чтобы поразить зал эффектным вступительным аккордом.

Пташко писал стихи, которые никому не показывал.

Катин лоб прорезала складка, под глазами темнели круги, ненавидящий взгляд устремлён в перспективу. Перспектива отдавала криминалом.

— Я на грани. Я его убью.

— Убьёшь, и что? Тебя посадят. В тюрьме побудка в шесть часов. А отбой в десять (или во сколько, товарищи, кто по опыту знает?)

Хм. Страшнее пытки для сов не придумать. Катя сникала. Такой поворот событий она как-то не предусмотрела.

Месть — блюдо, которое следует подавать в холодном виде. Впервые эта фраза прозвучала в мыльном сериале «Тропиканка», сразу пришлась по вкусу и была взята на вооружение нашими женщинами.

— Погоди же, он у меня увидит небо с овчинку, — обещала Катя. — Он ещё пощады будет просить. Я отравлю ему жизнь. Я выйду за него замуж.

Почему бы и нет? У Кати были розовые яблочные ножки, против которых не устоит мужской пол. Почему до сих пор устоял? Потому что мини вышло из моды.

Она прищуривалась и уносилась мыслями в приятное будущее, где Мендельсон плавно перетекал в траурный марш Шопена. Увы, все мы смертны. Вот что сделает Катя в роли безутешной вдовы: она кремирует недолговечного супруга и поместит его прах в песочные часы. Пташко будет тихо сочиться из сосуда в сосуд сквозь узкую стеклянную горловину. Боже, какая тишина! И только обострённый, рафинированный Катин слух уловит восхитительный, усыпляющий шорох частиц.

А в верхнюю квартиру она пробьёт вход, пустит железную крутую винтовую лестницу, как в башне с маяком. И сделает круглые окошки-иллюминаторы. Устроит там мастерскую, разместит примерочную, раскройный стол, манекенов... И повесит на стену якорь.

Соседа даже не пришлось заманивать в ловушку. Однажды в Катину дверь раздался звонок. На пороге стоял Пташко с кастрюлей.

— Я тут холодец варил и вашей собачке косточки принёс. Лает она у вас так звучно, колоритно. Видать, серьёзный пёсик, крупной породы.

— Какой пёсик?

Спросонья Катя ничего не соображала. Она стояла в халате поверх короткой сорочки, переступала босыми ногами. Пыталась оттеснить соседа и загородить собой мощные колонки по углам. Именно с них ночами лаяла гулким басом собака Баскервилей — совершенно как живая. Оттуда же в записи заливался визг дрели. Как ни странно, этот бедлам Катя не замечала.

Он был для неё как колыбельная. Она под него спала и мечтательно улыбалась. Подобный феномен могут объяснить лишь психологи.

Выдавливаемый Катей из квартиры, Пташко увидел и розовую грудь в вырезе халата, и яблочные ножки. И колонки по углам. Всё-всё понял и поразился. Он даже предположить не мог, какое важное место занимал в сердце нижней соседки. Ничего, что это большое чувство называлось Ненависть. Главное, что большое. А ведь от ненависти до любви один шаг.

Она просыпалась от тепла на щеке. Так бывает, когда забудешь задёрнуть гардину, и янтарное солнечное пятно ползёт по стене спальни, по спинке кровати, по подушке, крадётся к лицу... А никакое это не солнце, это тепло от взгляда Пташко. Он тихонько сидит и любит Катей. И набрасывает одеяло на высунувшуюся ножку — чтобы не зябла.

Давно встал, умылся, оделся. Из кухни пахнет блинчиками и кофе. Когда успел — и ведь не стукнул, не грекнул ни сковородой, ни миской, не хлопнул дверцей холодильника. На крылышках, что ли, приспособился летать? Скорее всего, она просто не замечает: шум-то свой, родной.

Дальше — больше. Катя заразилась от Пташко страстью к утренней рыбалке! Для неё стало открытием, что городские улицы могут быть пустыни. Ни автомобильных пробок, ни пыли и чада, ни грохота и дыма. И если прислушаться, слышно, как, словно добрые духи земли, прорастают цветы сквозь асфальт.

Пока добирались до места, досыпала под пледом в коляске мотоцикла. В ней сладко, истомно боролись сон с бодрствованием.

А за городом! В речном молоке слышались всплески гуляющей рыбы. Туман, как рассыпанная щеголихой зарёй пудра, таял, оседал в зеркале воды. Солнце качалось на волнах шёлковой полосой, промокало свежeweымытое личико нежнейшим розовым полотенцем облаков. Откуда такие сравнения? Из стихов Пташко.

Но сколько таких рождений дня она пропустила, проспала, продавила подушкой, сколько прохладных утр пропало в её жизни?

Где рыбалка — там и грибы. Для этого тоже пришлось рано вставать: грибы ведь растут по ночам. Полезла освежить знания в интернет. Вбила слово «гриб» — википедия сразу услужливо подсунула грибок и сто способов от него избавиться. Затем, вместо боровиков, рыжиков и маслят нарисовались ядерные грибы, противогазы и бомбоубежища.

Рыбалка и тихая охота располагали к философии. В голове рождались мысли, о каких Катя раньше не подозревала. Она бродила по влажному, горящему от росы лесу, слушала чудесную птичью какофонию и думала: как можно погубить такую красоту?

Смотрит Создатель на возлюбленное творение — зелёно-голубой хрустальный пузырь, затерянный в мириадах лет тьмы и холода... И в отчаянии бормочет: «Всё вам дал: воздух, солнце, воду, цветы — живите и радуйтесь. Что вы всё грызётесь, всё хапаете, окаянные, чего вам не хватает? Не вами, букашками, сотворено — не вам разрушать. Да вся ваша гомосапиенская жизнь по меркам Вселенной — сикстиллионная доля секунды, и ту ухитрились испаскудить, эх!»

Как нелепо и смешно отсюда выглядели их с Пташко прежние соседские баталии. И как хорошо, если бы все войны на свете ограничивались стычками «сов» и «жаворонков». Иначе и впрямь Земля может превратиться в песочные часы. Ветер станет просеивать пепел, но некому и незачем будет вести отсчёт времени и переворачивать стеклянные колбы.

ЧОКНУТАЯ

Вечно эта Маркова вляпается куда не надо. К примеру, весной ездили всей редакцией на пикник, и никому ничего. Редактор даже снял свои брЕНдовые «барракуды» и носки, расхаживал белыми ступнями по сухой прошлогодней траве. Раскидывал руки и декламировал:

Если крикнет рать святая:

«Кинь ты Русь, живи в раю!»

Я скажу: «Не надо рая,

Дайте родину мою».

— Что ни говорите, но Александр Сергеевич — это наше всё, — вздохнула бухгалтерия. Маркова прыснула, а редактор говорил, что с каждым шагом наливается чудодейственной силой. Как Илья Муромец, который тридцать лет и три года сидел на печи, а прошёлся по родной-то матушке земле — и стал богатырём.

А Маркова приземлилась у костра на минуту, и ей в попу впился клещ. Хорошо, что не энцефалитный, но сколько было беготни, нервов.

Вот и сегодня: знала, что нельзя надевать белую водолазку, а потом захотеть жирного рассольника. Ей бы вообще только в слюнявчике за стол садиться. Пожалуйста: брызнувшая оранжевая капелька расплылась на животе в пятно. Такое не выведешь, пропала итальянская водолазка.

Но рассольник был так горяч и вкусен. А фуршет, на которые приглашали рядовых журналистов, так редки. А Маркова так продрогла и проголодалась, бегая с камерой по цехам птицефабрики. Фабрика отмечала славный юбилей: одна из немногих, выстоявших в девяностые годы в неравном бою с ножками Буша. По слухам, их тогда мёрзлыми глыбами, в огромных лотках продавали на рынке за копейки.

Худенькая технолог рассказывала, как курятина коптится на ольхе и яблоне: дух стоит, слюнки текут!

— А посоветуйте, какие копчёности лучше брать? Как профессионал?

— Как профессионал? Никакие. Давно замачиваем в красителях-усилителях, в химии, типа жидкого дыма, — тут технолог спохватилась: — Я вам этого не говорила. Диктофон выключен?

Да если и включён, маленькое нечаянное откровение не попадёт в газету: кто захочет судиться с мощным агрохолдингом? Как говорит заведомо рекламой: кто девушку ужинает, то её и танцует.

Маркова стёрла запись на глазах технолога: ни к чему подводить человека. И поспешила в людную, шумную и тёплую столовую. Там столы ломились от блюд с ветчинными и колбасными нарезками, с горами мясных рулетов и жареных окорочков. А на первое в тарелках дымился рассольник в золотистых блёстках жира, на двойном курином бульоне. И с собой отправили по большому фирменному пакету с деликатесами: месяц можно понемножку лакомиться.

Выгодные задания Марковой время от времени подбрасывал редактор. Сотрудники шептались: по блату, и на самом деле между начальником и подчинённой витало что-то эдакое, лёгкое, недосказанное, на уровне удушливой волны, не гуляний под Луной, слегка прикосновений рукавами... Ну ладно, откроем секрет: Маркова была влюблена в редактора. Платонически. Она бы не прочь броситься с головой в омут настоящего чувства. Но редактор был женат.

О Марковой. В университете её называли шизанУтой и одержимой, зато у декана она ходила в любимицах.

Темой дипломной работы выбрала освещение проблем областной онкологии. Какому нормальному человеку в голову пришла бы дикая идея завести блог от имени якобы неизлечимой больной и с помощью искусственного интеллекта создать образ измождённой, лысой девушки? «Чтобы перевоплотиться, врасти в её боль, каждой клеточкой прочувствовать, понимаете?»

— Это кошунство, ты чокнулась? — сокурсница стучала кулачком по лбу: — Люди эту болезнь вслух боятся произнести, чтобы не притянуть, тьфу, тьфу, чур меня. А ты на себя примеряешь. Совсем ку-ку: кармы не боишься? Прилетит вот тебе от боженьки.

Маркова всё лето ходила в хоспис, как на работу, и поняла: святые на земле есть — и это не бьющие поклоны монахи и старцы отшельники. Это истаявшие мальчики и девочки на вдавленных подушках, с огромными светящимися глазами. Они уходили *туда* и оставляли зарок остающимся: «Цените жизнь. Каждый день, каждую минуту, каждый шаг, каждый луч солнца и глоток воздуха. Живите за нас».

Тщетно. Мающиеся от здоровья безумцы не слышали их слабых голосов.

Да, вот такая она, Маркова... Приговорите её к расстрелу — знаете, что бы больше всего её мучило, о чём бы кровью обливалось сердце? Что нету под рукой ручки и бумаги, и ей не успеть передать людям, что чувствует обречённый на смерть. Последняя ночь, топот сапог в коридоре, поворот ключа в замке. И финал, вспышка, когда Вселенная, время и пространство схлопываются, втягиваются в точку сингулярности, в чёрное отверстие дула. Действительно ли проносится жизнь перед глазами, есть ли свет в конце туннеля?

— Свет из туннеля есть, Маркова, даже если смотреть из задницы, — обнадёжила добрая сокурсница.

Маркова насторожилась, когда после череды тётток предпенсионного возраста в кресле редактора увидела тонкого сероглазого красавца с серебристыми висками, с лёгкой небритостью, в джинсах, в замшевом пиджаке с кожаными заплатками на локтях. Состарившийся Дориан Грей.

«Винный парень», — цокнула языком заведомо сельского хозяйства Нинель. Она закончила Плехановку, жила в их городе временно по семейным обстоятельствам и всячески позиционировала себя как бриллиант, упавший в пыль. Не могла дожидаться, когда уберётся из этой дыры в приличное место.

Каждый раз, садясь за клавиатуру, закатывала глаза: «Пойти, что ли, пометАть бисер перед свиньями». Неблагодарные свиньи — это читатели, а выскакивающие с пулемётной скоростью из-под её гелевых ногтей слова — жемчуг, ядра и чистый изумруд.

В первый же день Маркова и редактор столкнулись на подоконнике в курилке и азартно заспорили, сейчас и не вспомнить, из-за чего. Спор этот растянулся на годы, только темы менялись.

Кратковременных жарких стычек в курилке и в столовке не хватало, дебаты переносились на следующий день. Это было похоже на бесконечный шахматный турнир с отложенными партиями. Дома Маркова вынашивала достойный ответ, продумывала, какую двинет фигуру и какой комбинацией поразит противника. Назавтра редактор двумя ходами, как ребёнка, разбивал её и смеялся прищуренными серыми глазами.

Возможно (Марковой хотелось так думать), он растил из неё гроссмейстера. Любовался, как на необъезженную строптивую лошадку, и по-крупному ставил на неё.

Со временем стала ловить себя на том, что ей хочется угадать и угодить ему. При каждой очередной творческой находке, метком описании детали, удачном обороте — представляла его лицо, как он читает и щурится от удовольствия, и слышала поощрительное: «А девочка-

то растёт». И почему-то на ум приходили царскосельские скачки, конкУр и Фру-фру, которая составляла с Вронским одно летящее, сладкой и мучительной струной вытянутое тело. И он похлопывал белой перчаткой по тёмному от пота атласному крупу: «О, милая, прелесть моя! О!»

Маркова ехала в деревню Дёмино писать о стопятилетней бабушке. У них в области в последнее время просто расцвёл марафон долгожителей, не успевали чествовать. Говорят, в советское время столько жили чабаны из высокогорья. Люди в открытках писали: «Желаем кавказского долголетия».

Одной старушке сто лет, другой сто три, третьей вообще стукнуло сто семь! Порази-тельно: пережили войну, голод, по-мужичьи ломили в колхозе, обмораживали ноги в лаптях, криком кричали от ломки в косточках: подёргай-ка дважды в день за сиськи двадцать бурёнок, поноси на горбу воду из ручья, надёргай мёрзлой соломы из стогов. Жили на одной картошке...

— Это потому, что всё натуральное было. А знаешь, какие у них сегодня пенсии? Родня на этих старух не надышится, — это Нинель. Нет ничего более постоянного, чем временное, вот и Нинель застряла, никак не могла покинуть их постылый городишко. Никогда не премИ-нет вставить что-нибудь противное, прямо женщина-загадка: загадит всё, к чему прикоснётся. — А ещё (добавляла шёпотом) небось, в паспорте подрисовывали десяток-другой лет. Тогда с этим было просто: поставят сельсоветчику бутылку... — и уже громко: — Мы, гнилое поколение инвайта и юппи, столько не проживём.

Продавали в девяностые в пакетиках порошок химических расцветок: просто добавь воды...

Бабушка оказалась бесплотная до прозрачности, слабенькая, но шустрая. Всё порывалась налить трясущимися руками чаю, подложить госте пирожка. Её со всех сторон останавливали невестки и дочери, самым уже хорошо за восемьдесят.

— Она у нас молодец, да, мама? Блоха под ногами не задохнётся. Вот она капельку сладкого винца выпьет и «верёвочку» спляшет.

Скатали половики, в доказательство бабушка, поддерживаемая с обеих сторон, беззвучно потопала — пошелестела по половицам детскими валеночками. Пошатнулась, плясунью подхватила как пушинку, усадили на диван.

На традиционный вопрос: «Поделитесь секретом, что надо делать, чтобы дожить до такого возраста?» — юбилярша махнула костяной ручкой: «Кабы знали чё делать, на земле ба камунизм был».

И тут же начала тихо заваливаться набок на подложенную подушку: утомилась, заснула.

— Пока ваш дом искала, женщины у магазина говорят: «А, это вам к Обушку». Обушок — девичья фамилия?

— О-о, тут можно сериал снимать. Хоть и советская власть, а время ещё было дикое, к женщинам отношение как к домашней скотинке. Один смолой пристал, проходу не давал. Мама-то и сейчас у нас красавица, а тогда пером не описать. Бойкая, за языком не угнаться босиком, всё его на смех при людях подымала. Так-то тоже нельзя. Он напейся, обида в голову ударила. Затащил в баню и насильничал. Косу на кулак намотал, по полу возил, окровавил, растерзал: «Нравится — не нравится, будешь моей. Возьму силком — стану милком. Добром не полюбила — злом заставлю полюбить».

Кто же так девки добивается? Девку нужно пряниками, ситцами, бусами-гребешками завлекать. В дом ввести, где мир и лад: свекровь ласковая, свёкор мудрый, золовки кипящими

щами не ошпарят. Так-то принято у добрых людей. В такой дом и тащить не надо, любая девка сама запросится.

Рассказчицы переглянулись и понизили голос:

— Ну, что, накаркал: полюбила злом. Топор-колун в предбаннике в чурбане торчал, обухом кверху... Помурьжили маму в каталажке да и выпустили, а прозвище прилепилось: Обухок. Замуж вышла, мы начали рождаться: как горох из стручка выстреливали. Отца на фронте убило. Мама рассказывала, что в войну не было так голодно, как после. В сорок седьмом младшие сестрички-близняшки иссохли.

Маркова как раз жевала пирог и поперхнулась, еле откашлялась:

— Как иссохли?

— Обыкновенно, как котятки без молока: маму ветром шатало, груди пустыми тряпочками болтались. Выдолбила ямку, похоронила. А в клуб кино привезли. Журнал показывают: наши солдатики улыбаются, разливают большими половниками суп, немочки в шляпках тянут миски.

Когда именинница уснула, на столе из ниоткуда явилась бутылка водки: «Мама на дух не переносит, командирша, до сих пор нас гоняет».

Женщины раскраснелись, заблестели глазами, разгладились лицами — можно было не сомневаться, что число дёминских долгожителей скоро пополнится.

— Ну, выпьем за колхозниц, за ярмо их тяжкое, за долю горькую вдовью.

Снова говорили, перебивая друг друга:

— Мама рассказывала: два ли, три ли раза случалось, когда всё, край: бабы в борозде падали. Решались на подсудное дело: скопом окружали и гнали коровёнку на силосную яму. Нечаянно! Ревели и гнали, ну, после корову на суп. Ветеринар акт подписывал, ему выделяли голяшку — тоже мужик сильно рисковал.

— А помните, девки, по ночам сено рвали для нашей бурёнки? Как её звали, запомнотвала... Страху натерпимся: увидит объездчик — хорошо, если только кнутом задницу обожжёт. Вот ведь, всё помню, а как нашу кормилицу звали — напрочь из головы. Ты помнишь? И я нет.

— Маруня, — вдруг хрипло, с досадой, сердито даже подала голос спящая старуха. — Маруней корову-то звали.

Женщины переглянулись. Склонились над матерью: спит, только голые веки трепещут, как у галчонка.

— Мы тут к вашему приезду разбирали мамины грамоты — у неё их в чулане чемодан как кирпичами набит, от земли не оторвать! Вот какая она у нас богачка. Отдельно копирки с налогами, самообложением, страховками, облигациями госзайма. План по лесозаготовкам, по поставкам: столько-то сдать мяса, картохи, столько-то шерсти, яиц. Господи, господи! Откуда деньги брать — вместо них трудодни, палочки рисовали?

А откуда хочешь! Городских ребятишек в садиках нужно кормить. Мама взвилась: «А наши чё, не ребятишки?!» А ей: «На севера захотела? Контрреволюционные речи поёшь, не с вражьего ли голоса?»

В город бы податься, там посытнее — а куда без документа? До Брежнева, до самого семисят четвёртого года вместо паспортов — справки из сельсовета. Про крепостное право в школе учили, а оно, выходит, никуда не девалось. Мама в один год с городской племяшкой на пенсию вышла. У той пенсия сто рублей, у мамы — 16. Их «шестнадцатирублёвками» звали.

— Полюбуйтесь на нашу скромницу, натянула одеяло до носа, — редактор, оперевшись локтем о подушку, любовался на Маркову: — А всю ночь кто кричал: «Я одета в красоту молодости»? Кто в костюме Евы оттанцовывал: «Я сегодня вся как сюрприз, я одежды сбросила груз?»

О боже, она хоть не на столе танцевала?! Вино всегда раскрепощало Маркову — это мягко сказано. И всю ночь он дышал в её шею: «О, милая, о!»

Вскочил, раздвинул шторы, постоял, эффектно пронизанный солнцем. Его оскаруайльдовские изящество и тонкость оказались обманчивы: был он мускулист, явно подкачивался в тренажёрке.

— Ну что же ты, вставай хозяйничай.

В его пустоватой квартире не было намёка на присутствие женщины. Не валялись на подзеркальнике губнушки и расчёска с облачком женских волос, в ванной теснились только мужские шампуни и кремы. Не зря в редакции шептались о странных отношениях редактора с семьёй. На рабочем столе в дорогой рамке фотография жены и дочери, а за два года к нему никто ни разу не приехал.

Коридор в квартире был увешан акварелями-миниатюрами. Церквушки с крестами, покосившиеся избы, кучевые облака, жиденькие плакучие берёзки — всё размыто, будто сквозь слёзы или мелкий дождик. Вспомнилось, как на пикнике он что-то бережно рассматривал в ладони. Она подошла: берестяной завиток.

— Берёзкина кожа. Нежнее шёлка, белее снега, не весомее пуха, невиннее девушки... Какая пронзительная, щемящая среднерусская кротость, неяркость.

Вполголоса, в раздумье прочёл:

Коса. Роса.

Росиночка. Россия.

Любимых слов

Такой простой набор...

— Сами сочинили?

— Запомнилось из одной повести.

Он показал Марковой, где что в кухне лежит, назвал хозяйшкой. В кухне включил стеклянную «умную» электроплиту.

— Не люблю машинный кофе, он мёртвый. Умеешь варить?

Был выходной, поэтому к кофе снова добавились коньяк и ликёр, которые Марковой пить категорически бы не надо, но... Как сказала бабушка из Дёмино, если бы все делали «чё надо», на земле давно бы «камунизм» был.

У матери в деревне считала дни до конца отпуска. Кое-как дождалась, приехала, бросила сумку в прихожей — и сразу на работу. Неслась, что называется, впереди собственного изображения. В прямом смысле: проекция Марковой обгоняла её на квартал и на углу нетерпеливо гарцевала, топала ножкой: «Скорее, чего копаешься?»

Ура, кабинет открыт! В редакторском кресле в позе Мыслителя пригорюнилась Нинель:

— Слава богу, я тут зашиваюсь. Давай дуй на совещание в мэрию.

— А где редактор?

— Я редактор. Пока исполняю обязанности, но вопрос практически решён.

— А... где он?

— В Испании на ПМЖ. У него там домик, гражданство, жена, дочь. Ты что, не в курсе, вы вроде флиртовали... Хотя да, счастье любит тишину.

Маркова глупо улыбнулась:

— В Испанию? Совсем? А такие слова говорил... Такой патриот-патриот.

— Ага, а я балерина. Чем красивее слова говорил, тем выше у него домик в Испании рос. Ты какая-то блаженная, всему веришь. Нельзя так, Юля.

Дома она закричала страшно, по-звериному, перемежая крик воем. Про себя. Потому что справа, слева, внизу, вверху жили свою жизнь соседи, а Маркова не эгоистка какая-нибудь, чтобы выплёскивать на людей свои деструктивные эмоции. Выкричавшись, пошла в ванну. Нужно было умыть опухшее лицо и загрузить в стирку дорожное бельё. В машинке белел одинокий шёлковый комочек: водолазка. Расправила, зачем-то понюхала подсохшее оранжевое пятно: всё ещё пахло прогорклым рассольником. И тут её чуть не вывернуло.

И сразу стало понятно, почему весь отпуск сосало под ложечкой и мутило по утрам. Даже задумывалась: не боженька ли её настиг своей карой, наказал-таки за лицедейство с онкологией?

И ещё поняла, почему, когда Нинель заговорив о флирте с редактором, скользнула женским взглядом по плоскому, затянутому в джинсы животику Марковой. От её мажущих, липких глаз хотелось закрыться руками.

«Давайте знакомиться, девчата. День рождения Машеньки, Маруси (если будет девочка и если всё будет хорошо) жду месяцев через семь. А сегодня день рождения моего блога, назову не оригинально: „Две полоски“. Узнала, когда наткнулась на водолазку с застарелым пятном, и меня стошнило. Откуда пятно, почему застарелое, почему не вывела — не важно. Оставим пятна в прошлом, девочки».

Через час, не отрывая глаз от экрана, потянулась за сигаретами. И вздохнула: отныне она не вольный казак, пора бросать вредные привычки. И не засиживаться до трёх ночи, завтра на работу.

МУСОР ВЫВОЗЯТ ПО ПЯТНИЦАМ

Мороз крепчал. Отличное, кстати, колоритное, ёмкое начало — ни убавить, ни прибавить, высечено в граните. Однако же вот совершенно незаслуженно оболгано, высмеяно классиком. А читатель в двух коротеньких словах, как наяву видит холодный зимний закат, бредущую в заснеженной степи одинокую фигурку путника...

Итак, мороз, как ему и полагается, крепчал, и одинокая фигурка Марковой брела к магазину на кольцевой, в надежде на попутку. Возвращалась с задания, на автобус опоздала, вот и пришлось приплясывать, бить сапожками на обочине. Пугливые частники, как ошпаренные зайцы, надавали хода, проскакивали мимо.

Недалеко от магазина находилась огороженная мусорная площадка. Жёлтая табличка извещала: «Мусор вывозят по пятницам». Тоже отличное, кстати, начало для детективного рассказа. Расчленили киллеры жертву, высчитали, дождались середины недели: чтобы фрагменты не бросались в глаза, оказались не на дне контейнера и не сверху, а в серёдке. Чтобы сгнули незамеченными в тоннах твёрдых коммунальных отходов... Будучи студенткой, Маркова мечтала: вот закончу универ, буду на досуге пописывать детективы. Только где он, досуг?

Площадка была чисто подметена, контейнеры новенькие, яркие: зелёный для обычного мусора, на синем написано: «В переработку».

Марковой было приятно: в устройстве таких уголков цивилизации по всему району была и её заслуга. Она в газете вела экологическую страницу, призывала к отдельному сбору мусора. Это была настоящая революция в сознании граждан: поди попробуй их разбуди, растолкай, вытащи из летаргического сна!

На митинг против свалки пришло одиннадцать пенсионеров. Зато на масленичных гуляньях и сжигании чучела Зимы на площади было черно от народа, не протолкнуться. Были высокие гости, в том числе Потапов из краевого управления ЖКХ. «Эх, была-не была, тряхнуть стариной!» Скинул на руки шофёра дублёнку, пиджак с искрой, белоснежную рубашку. Маркова стояла неподалёку и запомнила: запонка у него долго не отстёгивалась, цеплялась за манжет камушком. Камень слишком крупный, чтобы быть настоящим.

Потапов крикнул, поплевал на ладони и полез на ледяной столб. Рывками по-тюленьи закидывал, подтягивал белое плотное тело. Дополз до середины и съехал, и расхохотался, потирая и поднимая обожжённые ладони: «Сдаюсь, сдаюсь!»

Велел подать водки — всем желающим «для сугреву». Образовалась небольшая давка. Каждый желал с ним чокнуться и сфотографироваться на телефон: вот ведь, большой человек, а такой простой.

— Мужик что надо? Водочка злее, щи кислее да баба теснее, — Потапов ухватил подвернувшуюся молодайку, та взвизгнула, забарабанила по его груди: «Уйди, лешак!» — а сама сияла от удовольствия.

Тут же продавались блины, мёд, квас, связки баранок, китайский ширпотреб, россыпи глянцевого любовных романов. На ум пришло:

*Эх, эх, придёт ли времечко,
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесёт?*

Никогда. Почти двести лет прошло — ничего не поменялось.

Но Маркова не опускала рук. Для начала устроили с девчонками из ДК показ мод «Зажигалочки со свалочки». Смастерили платья из мешков, пышно взбитые юбки из пакетов, сумки из яичных кассет, шляпки из старых газет, вуальки из луковых сеток. На подиуме колокольчи-

ками звенели бусы и браслеты — нанизанные на нити аптечные стеклянные пузырьки. Играла «Токката»... Чтобы оживить воспоминания, Маркова включила в наушниках Поля Мориа.

Девчонки тогда действительно зажигали! Было центральное телевидение, а ведущей выступала столичная модель. «Мисс Трэш» вручили медаль из шоколадной фольги, победительниц в прочих номинациях одарили наборами кухонных разноцветных ведёрок: для пластика, для бумаги, для стекла... Не обошлось без инцидента: в первом ряду возмутились расфуфыренные девицы. «Мы пришли на модное дефилЕ, а тут у вас помойкой воняет!» Громко хлопнули откидными сиденьями, ушли, цокая каблуками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.